

УДК 930.85

СТАНИЧНЫЙ БЫТ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА. К 100-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ КУРСА ЛЕКЦИЙ Ф.А. ЩЕРБИНЫ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ

ГОНЧАРОВ Артем Сергеевич

бакалавр

Orcid ID: 0000-0002-3244-8155

ИВАНОВ Кирилл Сергеевич

Orcid ID: 0000-0002-5269-1590

ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт»
г. Ставрополь, Россия

В статье был проведен системный анализ истории станичного быта казаков Кубани, Хопра, Кубанской области в ретроспективе, клиодинамике и в рамках особенностей бытоописания у Федора Андреевича. Методологический аппарат исследования включает в себя комплекс специально-исторических, социологических и культурологических методов. Актуальность темы исследования связана с социальным заказом казачьих организаций Краснодарского края и политикой государства в области регионального развития на 2021-2030 гг. Цель исследования – проанализировать станичный быт кубанского казачества с опорой на главный историко-статистический труд Ф.А. Щербины – двухтомник «История кубанского казачьего войска».

Ключевые слова: Кубань, казачество, культура, быт, хозяйство, духовная сфера, культурная черта.

Детальный анализ научного наследия Ф.А. Щербины в советский период был обусловлен ростом интереса к казачьей тематике у отечественных поэтов, писателей и режиссеров. В 70-е гг. XX в. складываются предпосылки к возрождению казачества на юге страны. В это же время труды Ф.А. Щербины вновь приобретают популярность, историков начинает интересовать тема казачества, так как долгое время в СССР казаки приравнивались к классу буржуазии, а исследования в данной области противоречили официальной идеологии – задачей историка было показать классовую борьбу с позиции «угнетенных», но зажиточные кубанские казаки больше подходили под описание «угнетателей». Итак, в июне-июле 1974 г. историки, работавшие с источниками в Государственном архиве Краснодарского Края, переработали фонд 764 «Личный архив кубанского историка Федора Андреевича Щербины (1849-1936)», оформив опись в 97 единиц хранения за 1775 – 1936 гг., которая в дальнейшем расширялась и дополнялась делами из неопубликованного наследия историка [16].

Изучая станичный быт и говор кубанского казачества, Федор Андреевич установил, что

главной отличительной особенностью ментальности кубанцев являлась «деловая жилка», забота о воспитании подрастающего поколения, формирование в нем силы и воли, поддержание общественного порядка и традиционного уклада жизни, следование христианской морали [3]. При этом, наиболее интересным является факт синтеза православных традиций и культа предков в языковом сознании кубанцев. По мнению самого Ф.А. Щербины, это могло свидетельствовать о том, что казаки обладали устойчивым миропониманием, картиной мира, свойственной для Руси в период до раскола церкви в середине XVII в. (первые казачьи поселения на Кубани относятся к началу XVII в.) [4]. Проживая вблизи агрессивно настроенных этносов, ментальный комплекс казачества приобретает такие черты, как «замкнутость» и «отчужденность», по крайней мере, в отношении основ восприятия мира [5]. В рамках культурной интеграции менталитет кубанцев как раз позволял воспринимать новые традиции, обычаи и даже часть системы верований черкесов, крымских татар, ногайцев и всех этносов, участвовавших в торговых и хозяйственных сношениях со старейшинами

и атаманами [6].

С точки зрения географического детерминизма, важно отметить, что была велика и степень влияния самого исторического региона на особенности формирования языкового сознания и менталитета кубанского казачества. Ф.А. Щербина в первом томе «Истории кубанского казачьего войска» высказал интересное предположение, что «кубанские казаки» и жившие на реке Кубань с XVII в. «воровские казаки-раскольники», были хорошо знакомы с обычаями горцев. На их миропонимание сильнее всего оказала влияние «дольменная культура», все еще существовавшая на уровне народного сознания. Она повлияла на формирование первичных черт казачьей культуры [22].

1. Речная черта дольменной культуры состояла в расширении казачьей мифопоэтики за счет различных верований горцев, генезис которых был обусловлен важностью расселения вблизи реки и добычи питьевой воды. Речные божества Нартского эпоса символизировали удачу и добрую волю, являлись покровителями земледельцев и женщин-домохозяек. Речные казачьи поселения на Кубани первой половины XVII в. получали удовольствие от нахождения вблизи рек не только по факту близости источника пресной воды; внешние характеристики рек и водоемов способствовали формированию песенной культуры [21].

2. Горно-огневая черта дольменной культуры оказала на казаков не меньшее влияние, чем на горцев, хотя и была закреплена в ментальном комплексе гораздо позднее. Казачество как социокультурная общность не стремилось к сакрализации образа гор, поэтому географические концепты и такие ценностные аттракторы, как, например, «свобода» и «воля», не имели тесной взаимосвязи, как в народном сознании горцев. Отношение казаков к огню не выходило за пределы восприятия «огня-очага», огонь отождествлялся с уютом и надежным жилищем, однако, прослеживались некоторые аспекты влияния горского восприятия огня, связанного с кузнечным культом нарта Пхьармата, укравшего у Селы божественное пламя (аналог второго мифа о Прометее) [21].

3. Жилищная черта / номадизм дольмен-

ной культуры на уровне народного сознания усилила бродячий, кочевой образ жизни казаков, обладавших огромными территориями, пригодными для обработки, но не желавших возделывать землю своими руками. Горцы, предпочитавшие возвышенность, были издревле научены горьким опытом жизни на лугах и равнинах, опасные соседи захватывали богатые владения горцев, что привело к табуированию жилищной культуры оседлого типа. Предки казаков не испытали влияния нужды забираться жить на возвышенность, обладали стальным оружием, способным защитить их от набегов. Тем не менее, номадизм имел место, правда, и не в том виде, как у подавляющего числа горских племен [22].

4. Меновая черта заключалась в устойчивых социальных связях и культурной интеграции, ставших неотъемлемой частью вальерной системы кубанцев. Несмотря на то, что меновая черта, сочетавшаяся с торговыми сношениями, выражалась скорее в повседневной необходимости, а не в социальных проявлениях ментального комплекса, она легко закрепились в народном сознании еще на этапе формирования социокультурной системы кубанцев [22].

5. Хозяйственная черта отражала интенсивную дифференциацию разных социальных слоев кубанцев. Разложению представления о земле как форме «блага» способствовало отсутствие нужды в получении прав на обрабатываемую землю. Православная культура диктовала сравнение земли и труда с тяжким бременем, доставшимся за грехи предков; в то же время, сохранялись языческие пережитки: «земля-кормилица» на Кубани давала богатые урожаи. Такая дихотомия и привела к тому, что в условиях почти непрерывных столкновений с горцами усилилась система «свой-чужой», казаки выработали особую сплоченность и чувство сопричастности. Но фактор получения уважения у казачьего круга за военные заслуги и добытые в ходе завоеваний трофеи привел к индивидуализации и независимости [22].

6. Военная, героическая черта была основана на представлениях, сформировавшихся в период расселения вдоль Кубани, она проистекала из меновой и хозяйственной черт. «Деловая жилка», свойственная кубанскому

казачеству с самого момента его образования, проявлялась и на поле боя: кубанцы побеждали врагов не только с помощью храбрости и самоотрешенности, но и благодаря хитрости (что в некоторой степени отличало их от донской группы) [23].

7. Семейно-бытовая черта была выражена, преимущественно, во влиянии традиций, обычаев и ритуальной части обрядов горских племен на повседневность казаков. На переходном этапе формирования семейных отношений быт казаков приобрел синкретические элементы верований горских племен, основная же его часть была основана на православной культуре [23].

8. Песенно-обрядовая черта пронизывала все аспекты социокультурной системы кубанцев. Даже на примере техники боя с шашкой и использования шашки в показательных выступлениях («Шермициях») видно, как казаки ценили свою военную повседневность. Песенная культура отдаленно напоминала стиль ашугов – народных закавказских поэтов. Танцевальная и цельно-обрядовая культура заимствовала черты у донцев. Отдельные составляющие традиций южнорусских народов и горских племен ложились в ритуальную систему, становясь основой для типичных праздников, не относившихся к православным [22].

Станичный быт кубанцев составляли православные принципы религиозного, военного и культурного воспитания. В казачьей семье неотъемлемой частью быта являлся «красный угол», каждый ребенок с шести лет был знаком с Псалтырем, молитва начиналась с того момента, когда он научился произносить священные фразы. Обращение к иконе при чтении Псалтыря и Евангелия считалось началом духовного пути и источником формирования православной души ребенка [7]. Особенно строго родители следили за воспитанием любви к вере у мальчиков, которые должны были стать защитниками южных границ от неприятелей, враждебно настроенных местных племен. Обычно Закону Божьему учила мать, отец занимался обучением военному делу и торговле. Девочек учили заниматься домашними делами, реже – земледелию и скотоводству. Семейное чтение Евангелия практиковалось в присутствии всей семьи, особенно часто в

праздники и по воскресеньям. Праведная жизнь ставилась во главу угла, осознание полноты ответственности за нарушение христианских заповедей формировало чувство сопричастности в поселениях [8].

Большая часть крупных казачьих поселений Кубани возникла в конце XVIII в., тогда как на начало века, по мнению Ф.А. Щербини, приходится «номадический период». В этот период формировался язык живого общения и фольклора. На рубеже веков при освоении новых земель кубанцы заселялись в северной и северо-западной части Кубани, создавая основу оседлого населения, а линейные станицы на юго-востоке служили источником торговли и поставки сырья [9]. После основания Екатеринодара в 1793 г. черноморскими казаками под руководством атамана З.А. Чепеги, данная тенденция закрепилась. Участвовавшие в русско-турецких войнах 1768-1774 и 1787-1791-х гг. казаки имели иную ментальность и станичный быт, чем населившие Кубань казаки в XVII веке [1]. Черноморцы располагали свои курени вблизи рек, озер и пойм. Центр города был также центром торговли. Главным зданием после административного считалась церковь (довольно часто вначале закладывалась церковь, и лишь затем обустроивалась станица) [2].

В Екатеринодаре и его окрестностях в первой половине XIX в. селения окружались ровом и земляным валом, улицы были прямыми и широкими. Линейные станицы не отличались строгой планировкой, нелинейные станицы имели такую структуру: посередине станицы закладывалась церковь, рынок и меновой двор, двор скупщиков и перекупщиков, две широкие улицы для ремесленников, мастеров суконного, гончарного дел и пр., конюшни находились перед чертой, были хорошо защищены, за чертой станицы находились пахотные земли [10]. Экстериоризированный тип поселения во многом отражал активный тип речетворчества кубанцев, изначально проживавших в данной местности, и расселившихся здесь черноморцев. В это время традиционным элементом казачьей культуры становится Домострой, его экземпляры попадают в станицы по торговым путям, и специальные обряды семейного быта становятся более формализованными [11].

Общественный порядок поддерживался представителями среднего слоя. Зажиточные казаки активно участвовали в торговле или воевали, а бедные казаки, переселенцы из Екатеринодара, не сумевшие закрепиться там, постепенно вливались в крестьянские семьи [12]. Сами крестьяне работали на земле, принадлежавшей казакам, но главным отличием кубанского крестьянства являлось то, что здесь зачастую не действовала личная форма зависимости. В целом, крестьяне находились в гораздо более выгодном положении, чем в центральном и северо-западном аграрных районах Российской империи. Климат на Кубани был мягче, урожай заметно богаче, а урожайный год длился почти в полтора раза дольше. Кроме того, богатейшие казачьи семьи, имевшие до шестидесяти десятин земли, щедро позволяли крестьянам «работать на себя», если те перевыполняли установленную норму, которая высчитывалась главой семьи в период сбора урожая. Значительную часть времени казаков составляло строительство крепостей, либо руководство, организация строительными работами [23].

В начале заселения Кубани черноморцами остро стоял вопрос по повышению количества женского населения. Губернаторы Кавказской губернии Иван Петрович Каспаров (1802-1804) и Христиан Петрович Гильденшольд (1804-1805) предприняли ряд мер по переселению в станицы вдов, «девок» и семей, где преобладал женский пол. Стоит отметить, что ту же политику проводил губернатор Ставропольской губернии Александр Алексеевич Волоцкой (1847-1859). В первой половине XIX в. строились дома из сырого кирпича, глинобитные и саманные хаты, курени, богатые семьи могли позволить себе строительство усадеб. Курень состоял из двух комнат – «малой» и «великой». В малой находилась печь, деревянные лавки и обеденный стол. В великой комнате семья устраивала спальни и гардероб. Центральным местом куреня оставался «красный угол» с божницей. Спальни и божница украшались рушником и бумажными цветами вокруг икон, так как многие станицы принадлежали к южнорусскому типу. Во второй половине XIX в. казачьи поселения обогатились казачьими усадьбами и роскошными куренями,

купцы стали завозить мебель из столицы и закупать за рубежом. В самой же жилищной культуре казаков значительных изменений не произошло, но важное значение имело то, что именно женская часть населения развивала основную часть фольклора в своем речетворчестве [23].

Казачья одежда различалась типами костюмов, которые были типичны для терцев, кубанцев, черноморцев и донцев, заселивших некоторые районы губернии после подавления восстания Емельяна Пугачева [17]. Синий цвет носили черноморцы, донцы и терцы. Отличительным цветом кубанцев, исконно проживавших на этих землях, был красный [18]. Хотя, следует отметить, что черноморцы носили синие шаровары, синий кунтуш, а кафтан был красным. По указу 1810 г. красный цвет утверждается традиционным цветом кубанского казачества, а с середины XIX в. была унифицирована казачья форма линейцев, носивших одежду черкесского образца, и кубанцев. 19 ноября 1860 г. было официально создано Кубанское казачье войско, объединенное с Черноморским войском в 176 тысяч душ мужского пола и с Кавказским линейным войском в 269 тысяч душ. С 1860 г. кубанские казаки выделялись красной кубанкой и кафтаном. Была сформирована единая форма кубанского казачества: 1) черкеска из черного сукна; 2) темные шаровары; 3) кубанка или башлык; 4) бешмет; 5) сапоги или ноговицы. Зимой казаки носили бурку, папаху и мундир (традиция носить мундир была связана с переселением в Екатеринодар петербургских офицеров в период окончания Кавказской войны). Женская одежда никак не регулировалась моздокским комендантом и губернатором. Основой женского костюма оставалась рубаха. Костюм был представлен «кохточкой» – комплектом из длинной юбки и кофты [22].

Во второй половине XIX в. завершается оформление станичного быта. Казачьи семьи расселились и укрепили свое влияние в губернии, типичная семья имела пять-шесть детей. В силу особого социального положения некоторые зажиточные семьи получили право заселять незанятые земли и отстраивать на них курени и усадьбы без уплаты налога. Свободное время кубанцы проводи-

ли в «беседах», на «посиделках». Иначе – участвовали в походах, строительстве крепостей, мене и торговле. Главной обязанностью оставалась военная служба. Каждый мальчик, достигший восемнадцати лет, принимал присягу. Он проходил обучение в военном лагере, проходил срочную службу (четыре года), приписывался к полку и до достижения тридцати восьми лет участвовал в военных действиях. Обычно непрерывные походы длились от трех недель и более, в случае войны казаки не могли вернуться в станицу до особого распоряжения. Каждый «отличившийся» получал собственного коня, комплект передового обмундирования. Казаки являлись на регулярные строевые смотры. Все это в совокупности привело к тому, что правили крестьянами в основном женщины, так как работа на крупных земельных участках требовала периодического досмотра. Кроме того, казаки не доверяли крестьянам заниматься виноградарством и виноделием, так как часть продукции дарилась церквям [23].

Особое разнообразие привносили в жизнь казачьей семьи праздники. Часто устраивались шермиции, ярмарки, скачки. Кубанцы любили хоровое пение. Отмечали Святки, Масленицу, Пасху, Троицу, все основные православные праздники [13]. Разнообразие групп населения определило особенности фольклора кубанцев. В окрестностях Екатеринодара были распространены песни на военно-историческую тематику, семейно-бытовые и лирические песни были свойственны скорее для казаков Ставрополя [14]. Выделялись песни о периоде Кав-

казской войны 1817-1864 гг., походные напевы и переделанные стихи кавказских поэтов [15].

В Екатеринодаре получило развитие прикладное и изобразительное искусство. Особенно выделялось лозоплетение, ювелирное, гончарное и суконное дела. Орнаменты кубанцев мало чем выделялись из общей группы кавказского казачества, имели линейно-геометрические формы, на них наносились простые хозяйственные и военные сцены, часто на орнаменты попадали животные и растительные узоры, ими украшались шашки, кинжалы и ножи, а также рога-бокалы и ковры [19]. Славилась местные кузнецы. В каждой крупной станице с конца XIX в. строили до пяти кузниц. Екатеринодарские кузнецы были известны как лучшие на юге Российской империи. Они создавали шашки, кинжалы, подковы, замки, ухваты, дымники для труб, предметы интерьера, кованные надкрылочные зонты, решетки для окон, дверей, парадные лестницы, ограды, флюгеры, цельнометаллические ансамбли [20].

Таким образом, станичный быт кубанского казачества значительно изменился с начала XVII до конца XIX вв. Кубанцы ориентировались на военное искусство, но не забывали и о духовном насыщении своего семейного быта. Богатейшие сведения об этом на сегодняшний день остаются малоизученными, что обуславливает актуальность обращения к наследию Федора Андреевича Щербини, одного из крупнейших исследователей истории Кубани и станичного быта кубанского казачества.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАКК. Ф. 763. Оп. 1. Д. 6. Л. 5-7.
2. ГАКК. Ф. 763. Оп. 1. Д. 6. Л. 9 об.
3. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 92. Л. 3.
4. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 92. Л. 5.
5. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 92. Л. 6-7.
6. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 92. Л. 10.
7. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 95. Л. 4.
8. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 95. Л. 8.
9. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 95. Л. 10.
10. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 95. Л. 11.
11. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 95. Л. 13-14.
12. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 95. Л. 18.
13. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 103. Л. 2.
14. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

15. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Д. 103. Л. 5 об.
16. ГАКК. Ф. 764. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1-2.
17. ГАКК. Ф. 801. Оп. 2. Д. 3. Л. 3.
18. ГАКК. Ф. 801. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.
19. ГАКК. Ф. 801. Оп. 2. Д. 4. Л. 4.
20. ГАКК. Ф. 801. Оп. 2. Д. 4. Л. 5-6.
21. Макарова О.С. Анализ базисных культурных концептов и ценностных аттракторов эпоса «Нарты» в поиске историко-культурного пути развития народов Северного Кавказа / О.С. Макарова, А.С. Гончаров // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2020. – № 4. – С. 96-110.
22. Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Том I. История края / сост. член-корреспондент Императорской Академии наук и почетный член Кубанского Областного Статистического Комитета Ф.А. Щербина. – Екатеринодар: Типография Кубанского Областного Правления, 1910. – 729 с.
23. Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. Том II. История войны казаков с кубанскими горцами. С военно-исторической картой Кубанской области за время с 1800 по 1860 годы / сост. член-корреспондент Императорской Академии наук и почетный член Кубанского Областного Статистического Комитета Ф.А. Щербина. – Екатеринодар: Типография Товарищества Печатного и Издательского Дела под фирмою «Печатник», 1913 – 865 с.

STANICHNY LIFE OF THE KUBAN COSSACKS. ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE PUBLISHING OF THE COURSE OF F.A. SHCHERBINA'S LECTURES ON HISTORICAL STATISTICS

GONCHAROV Artem Sergeevich
bachelor

Orcid ID: 0000-0002-3244-8155

IVANOV Kirill Sergeevich

Orcid ID: 0000-0002-5269-1590

Stavropol State Pedagogical Institute
Stavropol, Russia

The article carried out a systematic analysis of the history of the village life of the Cossacks of the Kuban, Khoper, Kuban region in retrospect, cliodynamics and within the framework of the features of the everyday life of Fyodor Andreevich. The methodological apparatus of the research includes a complex of special-historical, sociological and cultural methods. The relevance of the research topic is related to the social order of the Cossack organizations of the Krasnodar Territory and the state policy in the field of regional development for 2021-2030. The purpose of the study is to analyze the village life of the Kuban Cossacks based on the main historical and statistical work of F.A. Shcherbina – two-volume «History of the Kuban Cossack army».

Key words: Kuban, Cossacks, culture, life, economy, spiritual sphere, cultural feature.